

УДК 94(47)+322

**“МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ” РЕВОЛЮЦИИ:
ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАЯ ЕПАРХИЯ В МАРТЕ 1917 г.
С. В. Савченко
(Национальная металлургическая академия Украины, г. Днепр)**

Екатеринославская епархия отреагировала на Февральскую революцию 1917 г. солидарностью с революционными силами в Петрограде. Она пыталась синхронизировать свои действия с деятельностью местной власти. Кульминацией церковных событий первого месяца революции были епархиальные собрания 21–22 марта, на которых духовенство и миряне выдвинули требования и задекларировали свое понимание революционного современного и счастливого будущего Церкви в “обновленном” демократическом государстве. В Екатеринославской епархии в первом месяце революции не было заметно значительных проявлений “реакционной” оппозиционности к новому революционному курсу. Церковь приветствовала революцию и ожидала от нее дополнительных преференций. Через некоторое время обострились конфликты как внутри духовной корпорации, так и с прихожанами и местными властями.

Ключевые слова: Церковь; Февральская революция; Екатеринославская епархия; духовенство; епархиальные сборы.

Катеринославська епархія зреагувала на Лютневу революцію 1917 р. солідарністю з революційними силами у Петрограді. Вона намагалася синхронізувати свої дії з діяльністю місцевої влади. Кульмінацією церковних подій першого місяця революції були епархіальні збори 21–22 березня, на яких духовенство та миряни висунули свої вимоги і задекларували своє розуміння революційного сучасного і щасливого майбутнього Церкви в “оновленій” демократичній державі. У Катеринославській епархії на першому місяці революції не було помітно значних проявів “реакційної” опозиційності до нового революційного курсу. Церква вітала революцію та очікувала від неї додаткових преференцій. Через деякий час загострилися конфлікти як всередині духовної корпоратії, так і з парафіянами та місцевою владою.

Ключові слова: Церква; Лютнева революція; Катеринославська епархія; духовенство; епархіальні збори.

Church Revolution of 1917 in provincial dioceses have not studied the problem. Revolution Church is part of the political revolution, but it has received little attention in historiography. Ekaterinoslav diocese was one of the largest in the European part of the Russian Empire. Its reaction to the February 1917 revolution is almost unexplored because of the lack of archival sources in the local archive. We aim to reconstruct the first reaction of the diocese clergy and parishioners to the revolutionary events in the state. To this end, we plan to rely on sources that have not been used by researchers. Position

© С. В. Савченко, 2016

of the Ekaterinoslav clergy was revolutionary and renovationism (obnovlenchestvo). In March almost none of the clergy protested against the revolution. Bishop Agapit not fought with revolutionary clergy and laity and blessed diocesan meeting. The confrontation between the Bishop and Diocesan Committee in March has not been very noticeable. The revolution was perceived positively by the Ekaterinoslav clergy. This fact was founded on the numerous diocese documents. Ukrainian question in the first diocesan convention was not considered because it was considered not relevant. Requirements clergy were mostly utilitarian and focused on the redistribution of financial resources and authority in the diocese. Laity requirements had not political or national character at the beginning. Parishes just wanted to organize the liturgy order, people's morality and clergy mode of life.

Key words: *Church; February Revolution; Ekaterinoslav diocese; clergy; diocese meetings.*

Постановка проблемы. Современная историография давно отказалась от упрощённого агитпроповского взгляда на Церковь как “прислужницу самодержавия”, которая “решительно защищала царизм в дни Февральской буржуазно-демократической революции”¹. Этот тезис не просто исторически некорректен, но и прямо противоречит действительности. Реальность того времени невозможно объяснить никакими простыми тезисами, а радикально-монархические убеждения таких архиереев, как митрополит Волынский Антоний (Храповицкий) отнюдь не были господствующими в духовном сословии. Как верно заметил В. Булдаков, Февральская революция действительно была “общенародной”, “в том смысле, что императора не поддержал никто”². Митрополит Евлогий (Георгиевский), служивший в то время Волынским архиереем, вспоминал, как “крайний правый, видный черносотенец в порыве революционного энтузиазма кричал толпе с балкона: “Марсельезу! Марсельезу!”³. По свидетельству очевидцев февральско-мартовских событий в Петрограде, даже В. Пуришкевич в те дни ходил по городу с “красной гвоздичкой”, отрекаясь от старого мира⁴.

Что же произошло с Церковью во временном промежутке между февральским и октябрьским государственными переворотами, каждый из которых имеет основания претендовать на эпохальное значение революции? Этот вопрос в историографии до сих пор плохо изучен, а публикации на эту тему чрезвычайно тенденциозны. Ещё хуже обстоит дело с исследованием реакции на революционный процесс в церковной провинции, которая переживала его по-особенному, иногда глубоко не вникая в рой кипящих в столицах событий. Провинциальный аспект того, что историки назвали “церковной революцией”, является интересной и перспективной темой исторического исследования.

¹ Плаксин Р. Ю. Крах церковной контрреволюции 1917–1923 гг. – М., 1968. – С. 12.

² Булдаков В. П. Истоки и смысл русской революции: взгляд через 90 лет // Вестник Тверского государственного университета. Серия “История”. – 2007. – Вып. 2. – С. 10.

³ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни: Воспоминания. – М.: Московский рабочий, 1994. – С. 263.

⁴ Мельгунов С. Мартовские дни 1917 года. – Париж, 1961. – С. 44.

Анализ последних исследований и публикаций. Реакция Церкви на Февральскую революцию 1917 г. сравнительно недавно стала предметом пристального внимания. Стоит вспомнить труды М. Бабкина, П. Рогозного, С. Фирсова, М. Шкаровского, Д. Поспеловского и других исследователей⁵. Но, к сожалению, в этих работах украинским епархиям не уделяется должного внимания. Они служат лишь общим провинциальным “фоном” столичных событий и процессов. Единственное исследование Церкви в Украине в 1917 г. остаётся работа В. Ульяновского⁶. Она на долгое время станет “базовой монографией” по теме для тех, кто будет изучать провинциальное измерение проблемы. Екатеринославская епархия в 1917 г. – практически неисследованная тема, но не из-за отсутствия интереса, а из-за катастрофической нехватки документов в Днепропетровском областном государственном архиве за указанный период. Речь идет, в первую очередь, о невосполнимой утрате документов Екатеринославской духовной консистории. Также стоит упомянуть трудности с доступом к архиву канцелярии Святейшего Синода, где хранится значительная часть нужных дел. Поэтому историки для воспроизведения событийной истории в Екатеринославской епархии в 1917 г. вынуждены пользоваться случайными документами из других архивов, учебниками, эпизодическими данными о екатеринославских событиях у историков, исследовавших другие епархии или столичные процессы⁷. Это мало что может дать в концептуальном и фактологическом плане, а фрагментарность и идеологическая предвзятость часто приводят к некорректным выводам.

Революция 1917 г. – одна из самых заполитизированных тем в историографии, и таковой она останется, вероятно, ещё долгое время. Нужно признать, что до сих пор у нас нет целостной картины развития событий в Екатеринославской епархии в 1917 г., анализа реакции местного православного духовенства и мирян на крушение самодержавия и сопутствующих этому процессов.

⁵ *Бабкин М.* Духовенство Русской Православной Церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). – М. : Государственная историческая публичная библиотека России, 2007; *Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и документы по истории Русской Православной Церкви / сост. М. Бабкин.* – М. : Индрик, 2006; *Шкаровский М.* Русская Православная Церковь в XX веке. – М. : Вече, Лепта, 2010; *Поспеловский Д.* Русская Православная Церковь в XX веке. – М. : Республика, 1995; *Рогозный П.* Церковная революция 1917 г. – СПб. : Лики России, 2008; *Фирсов С.* Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. – СПб. : Сатис, 2007.

⁶ *Ульяновський В.* Церква в Українській державі 1917–1920 рр. (доба Української Центральної Ради). – К. : Либідь, 1997.

⁷ *Шугальова І. М.* Розвиток Православної церкви на Катеринославщині у першій чверті XX ст. // Придніпров'я: історико-краєзнавчі дослідження. Збірник наукових праць. – 2008. – Вип. 6. – С. 157–165; *Бойко О. В., Сніда Є. О.* Постаць архієпископа Катеринославського Агапіта на тлі церковно-політичних процесів післяреволюційної доби (1917–1924) // Придніпров'я: історико-краєзнавчі дослідження. – 2010. – Вип. 6. – С. 225–233; *Сніда Є. О.* Рефлексія катеринославського православного духовенства на Лютневу революцію 1917 року та політику Тимчасового уряду // Наддніпрянська Україна: історичні процеси, події, постаті. – 2014. – Вип. 12. – С. 236–242.

Цель статьи – осветить первую реакцию Екатеринославской епархии на “начало новой жизни” на фоне реакции светских кругов.

Изложение основного материала. Церковная власть в столицах чувствовала неумолимое приближение страшных событий. То, что революция произойдет в ближайшем будущем, не могли отрицать даже представители крайне правых. Московский митрополит Макарий (Невский) в новогодней проповеди открывал XX в. витавшим в воздухе тревожным вопросом: “Что принесет нам новое столетие? Ужели оно будет для нас тем роковым временем, когда число отступников превзойдет число верных чад Церкви; когда нечестие наполнит наши города, наши дома, рынки, государственные и общественные учреждения, а благочестие останется достоянием сел и деревень; в городах же оно будет находить себе место только в запустелых храмах? Мы, может быть, сильно сгустили краски картины возможной будущей нашей общественной жизни...”⁸ Глава военного духовенства Империи протопресвитер Георгий Шавельский в своих воспоминаниях писал о том, что межреволюционный период истории Церкви воспринимался многими как упадочный или, в лучшем случае, переходной. “Великая Русская Церковь не могла остаться в таком положении, в каком она находилась тогда. Это сознавали все проникновенные люди того времени”⁹. Синодальный чиновник В. Тернавцев, открывая Петербургские религиозно-философские собрания в 1901 г., начал свой доклад с констатации того, что “чувствовали все”: “внутреннее положение России в настоящее время представляется сложным и, по-видимому, безысходным”¹⁰. А за два месяца до февральских событий в своих новогодних размышлениях член Святейшего Синода архиепископ Никон на страницах “Церковных ведомостей” с апокалиптическим пафосом писал, что “последний день года напоминает последний день мира”¹¹. Синодальный чиновник С. Рункевич в этом же номере журнала предупреждал, что страшный момент уже очень близко. Он считал, что будущая революция планируется в генштабе австро-немецких войск, которые таким образом стремятся избежать неминуемого поражения¹². В первом пореволюционном выпуске “Церковных ведомостей”, материалы которого не успели за ходом событий, поскольку готовились в январе, привлекает внимание статья “Что в настоящее время более всего необходимо”. Её автор епископ Макарий, наверное, последний раз в

⁸ Макарий (Невский), митр. Беседа в новолетие 1900 года // Избранные слова, речи, беседы, поучения. – М. : Отчий Дом, 1996. – С. 99.

⁹ Шавельский Г., протопресв. Русская Церковь пред революцией. – М. : Артос-Медиа, 2005. – С. 11.

¹⁰ Статья В. А. Тернавцева “Русская Церковь пред великой задачей” (напечатана в Записках религиозно-философских собраний) с пометками К. П. Победоносцева, 1901 г. (Российский государственный исторический архив. – Ф. 1547. – Оп. 2. – Ед. хр. 75 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.prlib.ru/elfapps/RecordViewer/default.aspx?orderdate=03.07.2016&DocUNC_ID=131081&Token=WJm4opS5AqpBg2bZX3e1Q==&lang=ru-RU#10)

¹¹ Никон, архиеп. Тревожные ожидания последних времен // Прибавление к церковным ведомостям. – 1917, 7 января. – № 1. – С. 1.

¹² Рункевич С. Великая отечественная война и церковная жизнь // Там же. – С. 14.

истории призвал от имени Церкви сплотиться вокруг Престола, поскольку “только благодаря единодержавию и самодержавию” можно победить в мировой войне. Последний раз прозвучала формула “Православие, Самодержавие и русская народность” как главное “начало нашей исторической жизни”. Современное состояние страны автор охарактеризовал как жизнь на краю “разверзшейся пропасти”¹³.

Буквально накануне революции лидеры Екатеринославского отделения Союза Русского Народа во главе с бывшим депутатом Государственной думы В. А. Образцовым обратились к первоприсутствующему члену Святейшего Синода Киевскому митрополиту Владимиру (Богоявленскому). Они просили владыку и Синод “укрепить самодержавнейшего Государя на защиту священных прав самодержавия, врученных Ему Богом чрез глас народа и благословение Церкви, против которых покушаются те же крамольники, которые покушаются и против нашей святой Православной Церкви”¹⁴.

Обращение оказалось тщетным, как и аналогичная просьба обер-прокурора Н. П. Раева и его товарища князя Н. Жевахова, проигнорированная Синодом. Официальный историк РПЦ прот. Вл. Цыпин в своих публикациях о роли Церкви в событиях конца февраля 1917 г. пытается оправдать роковое для монархии бездействие синодалов: вроде бы они знали, что просьбы обер-прокуратуры не были официальными, в том смысле, что за ними не стояла инициатива Государя¹⁵. Если даже и так, то это нисколько не объясняет и не оправдывает последующее: когда революция все-таки грянула, Святейший Синод был в числе первых, кто её приветствовал и благословил. Жевахов вспоминал как “не понимавший происходящего” митрополит Владимир 26 февраля ответил ему: “Это всегда так. Когда мы не нужны, тогда нас не замечают: а в момент опасности к нам первым обращаются за помощью”¹⁶. Скорее всего, князь ошибся, полагая, что митрополит Владимир “не понимал”, что происходит. Как раз наоборот, возможно он-то как раз осознавал всю безысходность ситуации, потому и ответил отказом. 27 февраля, обозревая революцию из окна своей петроградской квартиры, товарищ обер-прокурора убедился в том, что никакими воззваниями её уже не остановить: “Перед окнами проходила одна процессия за другою. Все шли с красными флагами и революционными плакатами и были увешаны красными бантами... Вот прошла процессия дворников;

¹³ Макарий, епископ. Что в настоящее время более всего необходимо // Прибавление к Церковным ведомостям. – 1917, 25 февраля. – № 8. – С. 166–167.

¹⁴ Телеграмма первоприсутствующему члену Св. Синода митрополиту Киевскому Владимиру (Богоявленскому) членов Совета Екатеринославского отдела Союза русского народа // Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы... – С. 378. – № 678.

¹⁵ Цыпин Вл., прот. Начало конца Российской империи [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.pravoslavie.ru/101513.html>

¹⁶ Князь Н. Жевахов, пытавшийся как-то оправдать случившееся, полагал, что “его ответ явился не отказом высшей церковной иерархии помочь государству в момент опасности, а самым заурядным явлением оппозиции Синода к Обер-Прокуратуре”. См.: Жевахов Н. Д. Воспоминания [Электронный ресурс]. – Валаам : Родник, 1993. – Т. 1. – Режим доступа : http://www.zhevakhov.info/?page_id=56

за нею двигалась процессия базарных торговок; отдельную группу составляли горничные, лакеи, приказчики из магазинов... Все неистово кричали и требовали увеличения жалованья; все были пьяны, пели революционные песни... На лицах у всех была видна эта жажда крови, жажда самой безжалостной, зверской расправы, все равно над кем... Это было зрелище бесноватых, укротить которых можно было только пальбою из орудий”¹⁷.

В одном из последних дореволюционных выпусков “Екатеринославских епархиальных ведомостей” местное духовенство заявило о своём пленении властью, перегруженности многочисленными учебными и бюрократическими обязанностями (“учетом доходов, составлением рапортов и всевозможных отчетов”), невозможности свободно проповедовать, унижении из-за необходимости просить деньги у прихожан за требоисправления. Помимо того, политическая плюрализация, признавался автор статьи священник К. Щ., дезориентировала: “Где Божие, где кесарево? Марков, Пуришкевич, Милуков, Керенский и прочие народные представители все православные чада, все горячо борются, спасают благо народа... Теперь в каждом приходе есть всевозможные партии. Каждая предъявляет пастырю требование сочувствия... За кем же идти духовенству?”¹⁸ Пока белое духовенство думало над этим вопросом, епископ Екатеринославский и Мариупольский получал из рук представителя царской власти – губернатора А. Г. Чернявского очередной знак благоволения – митру¹⁹.

После 23 февраля провинция пробуждалась не мгновенно. На краткий миг она замерла в ожидании. 1 марта, уже после революции, но ещё до отречения Николая II, когда было совершенно непонятно, кто правит Россией и кто за что отвечает, когда страной лишь поползли слухи о случившемся, редактор екатеринославского епархиального издания в статье “Что нужно нам?” решил порассуждать о духовности. “Разные голоса говорят о реформе церковно-приходской жизни, но большей частью, кажется, забывают о едином на потребу. Первейшей реформой является реформа нашего духа”²⁰. Осторожные, безобидно-возвышенные и примирительно-аполитичные речи безошибочно свидетельствовали об одном: местное духовенство решило ждать, чем закончится развитие событий в столице, а оно, при определённом повороте, вполне могло закончиться так же, как и в 1905–1907 гг. Несмотря на всеобщие “апокалиптические” ожидания, мятежный Февраль не был запрограммирован. Он был одной из возможностей, ставших реальностью, благодаря совмещению ряда ключевых обстоятельств.

М. Бабкин, детально исследовавший этот вопрос, полагает, что в конце февраля и начале марте 1917 г. Церковь не просто отказала Императору в поддержке, но и захотела показать себя авангардом революции. Святейший Синод на тот мо-

¹⁷ Жевахов Н. Д. Воспоминания.

¹⁸ По поводу одной речи // Екатеринославские епархиальные ведомости (далее – ЕЕВ). – 1917. – № 1. – С. 2–4.

¹⁹ Подношение митры Преосвященному Агапиту, епископу Екатеринославскому и Мариупольскому // ЕЕВ. – 1917. – № 1. – С. 1.

²⁰ Что нужно нам? // ЕЕВ. – 1917. – № 7. – С. 103.

мент оказался самой революционной силой общества, по крайней мере, ему “принадлежит приоритет в своеобразном “узаконении” российской демократии. В частности, Синод на 2 дня раньше, чем Временное Правительство, заявил о невозможности возобновления монархии в России²¹. Ещё 6 марта он распорядился провести по всей стране епархиальные собрания, на которых разъяснить “правильную” позицию относительно революции, а также признать Временное правительство.

“Правильная позиция” Св. Синода была усвоена почти повсеместно на всём имперском пространстве. Печатные органы епархий реагировали на революцию словно по команде, нисколько не задумываясь о нравственно-этическом характере своей реакции. Ещё за несколько дней до революции царь призывал “унять клеветников” и “злоречивые языки”, императрица Александра провозглашалась “Матерью Отечества”, а народ обязан был “в годину испытаний и страданий сплотиться около Царя и Трона”. Однако уже в начале марта самодержавный строй назывался “обветшавшим зданием”, которое стремительно “распалось само собой”. Положение Церкви в этом строе характеризовалось как “паралич”, а вчерашние “злоречивые клеветники” и “тёмные личности” именовались освободителями Церкви, доставившими революцией “величайшее нравственное удовлетворение встревоженной христианской совести”²². Ещё в феврале 1917 г. некоторые церковные издания умилительно славословили В. Пуришкевича и его благотворительную деятельность, а в марте и апреле публиковали пафосные речи о торжестве русской демократии и царе, угнетавшем святыню Церковь²³.

Антиклерикальные настроения революционной журналистики, особенно социал-демократической, не мешали ей метафоризировать революционные события с помощью квазиправославной риторики. Революция, в частности, преподносилась как “всенародная литургия”: “1 марта храм широко распахнул свои ворота; это был долгожданный момент великого всенародного жертвоприношения, и народные массы благоговейно вступили в недра своего места с полным сознанием как величия настоящей минуты, так и святости предстоящих задач...”²⁴ Эту пасхально-народническую патетику подхватила вся светская провинциальная пресса, включая и екатеринославскую. Примечательно, что в то же время церковная пресса обучалась революционной фразеологии, упрощая стиль изложения до митингового выступления и используя, кроме “Свободы, Равенства, Братства”, слова из эсеровского и социал-демократического лексикона.

²¹ Бабкин М. А. Современная российская историография взаимоотношений Русской Православной Церкви и государства в начале XX века (досоветский период) // Отечественная история. – 2006. – № 6. – С. 171–180.

²² Астраханские епархиальные ведомости. – 1917. – № 1–7. – С. 1–3; № 8–13. – С. 217, 227.

²³ Кишеневские епархиальные ведомости. – 1917. – № 8. – С. 121–122; № 15–16. – С. 237–239.

²⁴ Письма социалиста и революционера // Конфедералист. Орган украинских социалистов-революционеров независимых. – 1917. – № 4. – С. 2.

Говоря о Екатеринославской епархии и её реакции на события, вначале скажем несколько слов о том, как откликнулась на петроградский “государственный переворот” (по терминологии того времени) светская власть в губернии. О чрезвычайном происшествии в столице Екатеринослав узнал 2 марта. Местные большевики признавались в том, что были шокированы неожиданностью давно ожидаемых событий²⁵. Серафима Гопнер, находясь в эти дни в екатеринославской тюрьме, мечтала о революции, но думала, что она придёт лишь через несколько лет²⁶. Чиновники были поражены ещё больше. 3 марта в городе был переполох по поводу телеграммы М. В. Родзянко, который услужливой провинциальной фантазией был превращен в “отца русской революции”, управляющего разрушительно-созидательным народным хаосом. Сам Родзянко, если верить свидетельству его секретаря, в это время ничем реально не руководил и “был печален”, осознав, что всё происходящее – “кошмар” и “гибель России”²⁷.

Но в провинции думали иначе. В совместном “Объявлении” Екатеринославского губернатора А. Г. Чернявского и генерал-губернатора М. И. Эбелова от 5 марта сообщалось, что “беспорядки последних дней в Петрограде прекращены вмешательством Председателя Государственной Думы Родзянко...”²⁸ О замешательстве местных властей говорит то, что в этом же объявлении его авторы взывали к Богу с просьбой помочь “во всем, что на пользу нашей армии, Государю и доброй Родине”²⁹. Городская Дума во главе с И. С. Способным, губернская земская управа, возглавляемая К. Д. Гесбергом, губернатор – все метались в поисках надёжной информации и правильного решения по такому небывалому случаю. Городскому голове удалось собрать 58 гласных для составления приветственной телеграммы председателю Государственной Думы Родзянко и председателю Совета Министров князю Львову с уверениями в безусловной поддержке благих начинаний. В знак преданности было предложено закрыть печатный орган екатеринославских черносотенцев “Русское дело” из-за “опасности непримиримой позиции”, занятой этим изданием³⁰. “Екатеринославская Земская Газета”, помимо этого, отрапортовала о первых обнадёживающих успехах революции: узнав о событиях в Петрограде, местные железнодорожники явились ко своему начальнику и заявили, что готовы “вдвое увеличить производительность своей работы”. “Между прочим, – радостно сообщала редакция, – за предшествовавшие сутки Екатеринославская же-

²⁵ Жуковский И. Г. (М. Трубный). Екатеринослав в февральские дни // Революцией призванные. Воспоминания екатеринославских рабочих. 1893–1917 гг. – Днепропетровск : Промінь, 1978. – С. 115.

²⁶ Гопнер С. Від березня 1917 до березня 1918 року // Борці за Жовтень розповідають (Спогади учасників боротьби за владу Рад на Катеринославщині). – Дніпропетровськ : Дніпропетровське обласне вид-во, 1957. – С. 22.

²⁷ См.: Родзянко М. Государственная дума и февральская 1917 года революция [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://readli.net/chitat-online/?b=60787&pg=1>

²⁸ Объявление от Екатеринославского губернатора // Екатеринославская Земская Газета (далее – ЕЗГ). – 1917, 5 марта. – № 20. – С. 1.

²⁹ Там же.

³⁰ В Екатеринославе // ЕЗГ. – 1917, 3 марта. – № 19. – С. 2–3.

лезная дорога пропустила грузов вдвое больше обычного пропуска”. Выяснилось, что эффективной работе железнодорожников мешал реакционный царский режим³¹.

Как и следовало ожидать, одним из самых первых стремлений местной власти была демонстрация революционному Петрограду коренных кадровых изменений. Но произвести их следовало таким образом, чтобы всё осталось на своих местах и ничего не изменилось по существу. Наименее болезненным способом решения проблемы стало “внутреннее духовное преображение” чиновников и переименование их должностей. Так, председателем Губернского исполнительного комитета общественных, рабочих, солдатских и крестьянских организаций стал К. Д. Гесберг, бывший до этого председателем Губернской земской управы. Спустя некоторое время он получил также должность губернского комиссара Временного правительства, сосредоточив в своих руках и губернаторскую власть. Начальник губернии А. Г. Чернявский, “лощенный, пухленький, гладко выбритый старичок в генеральских погонах”³², пытавшийся перехватить инициативу “обновления власти”, представив самого себя как “обновлённого” губернатора, был смещён телеграммой Временного правительства. Его отставка была формализована лишь 1 мая правительственным указом, “согласно прошению, по болезни”³³. Кстати, лично к нему у местных революционеров не было существенных претензий, даже учитывая содержание в тюрьме Серафимы Гопнер и целого ряда других последних в истории политзаключенных старой власти³⁴.

Были произведены аресты полицейских и жандармов (около 1000 человек), а раскаявшиеся “железнодорожные жандармы поклялись быть верными новому правительству”³⁵. Вскоре полицию Екатеринослава, как и повсюду, переименовали в милицию. Как объяснял это действие А. Керенский, “слово “полиция” стало так ненавистно народу, что его пришлось подменить словом “милиция”³⁶. Трудно судить о всероссийском эффекте от переименования, но на екатеринославском уровне это не изменило качества правоохранителей, скорее наоборот. Многие новоиспеченные “народные милиционеры” восприняли свой статус как позволение от имени революции бесплатно пользоваться всеми общественными благами. “Приднепровский край” описывает примечательный эпизод, когда пристрастившаяся к театру группа милиционеров из идейных соображений отказывалась платить за билеты. Когда администратор театра наконец решился потребовать оплаты, стражи

³¹ Там же.

³² Жуковский И. Г. Екатеринослав в февральские дни // Воспоминания екатеринославских рабочих. 1893–1917 гг. / сост., авт. комментариев В. Я. Борщевский, В. В. Крутиков ; под общ. ред. проф. В. Я. Борщевского. – Днепропетровск : Промінь, 1978. – С. 118–120.

³³ Весник Временного правительства. – Пг., 1917. – № 73 (119). – С. 2.

³⁴ Часть из них была отпущена на волю ещё в феврале, до революционных событий, другая часть, вместе с Симой Гопнер, уже в марте. См.: Государственный архив Днепропетровской области. – Ф. 177. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 2.

³⁵ Арест полиции. Переход жандармов на сторону Государственной Думы // ЕЗГ. – 1917, 7 марта. – № 21. – С. 4.

³⁶ См.: Львов Г. Воспоминания. Дополнения памяти Львова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://krotov.info/library/12_1/vo/v_georg_18.htm

порядка пригрозили в интересах революции закрыть театр³⁷. В подобных критических публикациях речь шла о лучших кадрах, набранных из рабочих или “пересмысливших свою гражданскую позицию” жандармов и полицейских, худшие так и остались под арестом.

Если говорить в целом, реакция екатеринославских властей на февральские события была типичной для чиновников рядовой губернии, не приученных к принятию важных самостоятельных решений³⁸. Провинциальное заискивание и торжественная патетика должны были убедить восставшую столицу, что Екатеринослав всегда люто ненавидел царизм и уже давно мечтал о революции. О том, что ещё несколько месяцев назад сам Родзянко на местном дворянском собрании клялся в искренней преданности “нашему Вождю”, “единственному компасу” Императору Николаю II и его “высочайшим предначертаниям” – все предпочли позабыть³⁹.

Губернская пресса в поисках сенсаций сразу же начала кампанию по разоблачению бывшей верховной власти. В первую очередь досталось “слабохарактерному” и “равнодушному” Николаю II, который, будучи под арестом, “ни разу не попросил сообщить ему каких-либо сведений из фронта”, не интересовался никем и ничем, кроме судеб своих министров⁴⁰. Бурлящей ненавистью проникнуты статьи о Григории Распутине и императрице Александре Фёдоровне. Журналисты “Екатеринославской Земской Газеты” уверяли своих читателей, что немецкую “изменницу” навязал России Отто фон Бисмарк со зловредной целью: привести в царствующий российский род генетическое заболевание⁴¹. В таком же духе, с массой грязных подробностей и циничных гипотез, публиковались и другие статьи в демократической прессе города. А в местных театрах о жизни Распутина и лиц императорского дома ставились целые серии пошлых комедийных спектаклей, рекламировавшихся в газетах. Газетная общественность изо всех сил демонстрировала новой власти своё “революционное преобразование”.

Ситуация становилась предельно ясной: царский режим и не собирался давать отпор революционерам, “старая” власть на местах переименовала себя в “новую” и екатеринославское духовенство, видя смелость “очищенных” революцией чиновников, решило не отставать.

Практически все свои действия православные священнослужители старались синхронизировать с действиями светской власти города и губернии. Одним из любимых героев екатеринославской революционной общественности на какое-то время стал Александр Караваев, убитый местными черносотенцами 4 марта

³⁷ Милиционеры “театралы” // Приднепровский край. – 1917, 8 июня. – С. 2.

³⁸ Для сравнения см.: Логінов О., Семенко Л. Вінниця у 1917 році. Революція у провінційному місті. – Вінниця : Державна картографічна фабрика, 2011.

³⁹ См.: Губернское дворянское собрание // ЕЗГ. – 1916, 11 октября. – № 80. – С. 4.

⁴⁰ Жизнь Романовых под арестом // ЕЗГ. – 1917, 14 марта. – № 23. – С. 4.

⁴¹ Николай II и его семья // ЕЗГ. – 1917, 28 марта. – № 27. – С. 5; Арест Николая II и царицы Александры Федоровны // ЕЗГ. – 1917, 14 марта. – № 23. – С. 4; Царь перед отречением // Там же.

1908 г.⁴² Революция остро нуждалась в местных героях. Газеты внезапно стали писать об убиенном депутате восторженные статьи и заметки, его именем хотели назвать “народный университет”, а в его доме планировалось открыть музей⁴³. В 1908 г. епархиальная власть не заметила убийства Караваева, не откликнувшись на это событие ни одним словом в “Епархиальных ведомостях”, но на его героизацию в 1917 г. отреагировала незамедлительно. Было принято решение отслужить панихиду в Свято-Троицком кафедральном соборе, о чём объявлялось в официальном органе земства⁴⁴. Панихида 5 марта стала первым символическим жестом признания Церковью в Екатеринославе нового порядка, но “дух” революции требовал большего. Уже спустя несколько дней, 12 марта духовенство и священноначалие приняло участие в многотысячной манифестации по поводу “обретения свободы”. Семинаристы во главе со своим ректором прот. Иосифом Кречетовичем встречали ликующие толпы хорovým исполнением революционных песен⁴⁵. Самой популярной из них была “Марсельеза”.

Таковой была как общеимперская, так и всеукраинская тенденция. В адрес Временного правительства со всех епархий от Волыни до Владивостока сыпались тонны телеграмм с радостными приветствиями епархиальных съездов в честь “государственного переворота” и гневными тирадами по поводу “прогнившего самодержавия” с его “Православием, Самодержавием, Народностью”. Так, о. А. Каменский из Полтавы назвал уваровскую формулу “печальным и пагубным для Церкви заблуждением, за которое мы платимся ныне”. Он признался, что не знает, как теперь объяснить прихожанам факт служения Церкви самодержавию, призвав ссылаться, в случае необходимости, на “жестокий деспотизм” царского режима⁴⁶.

Уваровская триада ушла в прошлое, но привычка духовенства выражать лояльность в триадах осталась. Судя по количеству упоминаний в церковных текстах “Свободы, Равенства, Братства”, девиз “безбожных” якобинцев превратился в важный элемент нового революционного богословия. “Духовенство и миряне <...> с радостью встретили водворение нового государственного порядка на началах

⁴² Савчук В. Горе от добра, или жизнь и смерть доктора Караваева [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://gorod.dp.ua/history/article_ru.php?article=1334

⁴³ Надо увековечить память А. Л. Караваева // Приднепровский край. – 1917, 18 апреля. – С. 2–3.

⁴⁴ Панихида по А. Л. Караваеве // ЕЗГ. – 1917, 5 марта. – № 20. – С. 5. Другим городам Украины в поисках жертв самодержавия повезло меньше. Например, в Виннице торжественному перезахоронению со всеми революционными почестями подверглись тела двух немецких шпионов, одного мародёра и одного насильника, казнённых в 1916 г. Иных жертв оперативно обнаружить почему-то не удалось. См.: Логінов О., Семенко Л. Вінниця у 1917 році... – С. 68.

⁴⁵ Российское духовенство и свержение монархии... – С. 332–333. Похожий сюжет, как известно, присутствует в одном из вариантов романа Михаила Булгакова о похождениях “чёрного мага” в СССР. См.: Булгаков М. Великий Канцлер. Князь тьмы. – М., 2000. – С. 31.

⁴⁶ Каменский А., прот. Наша задача // Полтавские епархиальные ведомости (далее – ПЕВ). – 1917. – № 12. – С. 962.

гражданской Свободы, Братства и Равенства”⁴⁷, хотя не так давно пастыри объясняли своим прихожанам, что нигде на целой планете нет никакого равенства⁴⁸. Некоторые сознательные священники настолько желали вписаться в новую атмосферу, что взялись за написание революционных трактатов. К примеру, хандалеевский священник о. Василий Котляревский настойчиво просил Д. Яворницкого поспособствовать в напечатании труда под названием “Демократия, Свобода, Равенство, Братство”⁴⁹. Другие местные богословы издавали брошюры, где пытались всем доказать, что Иисус Христос был социалистом, а социализм – это и есть подлинное христианство⁵⁰. Выходило примитивно и крайне неуклюже. Собственный лексический словарь православия не располагал аутентичной терминологией для положительного восприятия революции. Часто использовавшаяся ссылка на волю Божию имела несколько тонких нюансов: “свершилась воля Божия” или “по Промыслу Божию” – означало скорее положительное, чем отрицательное восприятие революции (так революцию встретил Святейший Синод); “по попущению Божию” – свидетельствовало скорее об осторожно-критическом отношении, поскольку Бог попускает совершиться греховной воле людей для их собственного вразумления и наказания за грехи.

Но такая терминология казалась уже несколько архаичной. Потому французская формула стала своеобразным заклинанием “церковной революции”, маркером революционной преданности, отличавшим “своих” от “чужих”, как красные банты, молниеносно сменившие значки СРН⁵¹. Саратовская церковная пресса писала о том, что “у нас переворот произошел по неисповедимым путям Промысла Божьего”, удивляясь “не тому, что революция произошла, а тому, что ее так долго не было”⁵². Тульская епархия назвала самодержавие “бездушным полицейским строем”, к которому “не будет возврата”. Но самой курьёзной была телеграмма Волынского епархиального съезда, который “единодушно осудил черносотенную политику”⁵³. Курьёз был в том, что в большинстве своём волынские честные отцы состояли в “Союзе Русского Народа” вместе с десятками тысяч своих прихожан. Получалось, что они сами себя осудили⁵⁴.

⁴⁷ Чрезвычайный Полтавский Епархиальный Съезд представителей духовенства и мирян, 3–6 мая 1917 // ПЕВ. – 1917. – № 12. – С. 953.

⁴⁸ Не враг ли обходит нас? (Из бесед пастыря с прихожанами) // ЕЕВ. – 1905. – № 11–12. – С. 308.

⁴⁹ Лист В. [...] Котляревського // Епістолярна спадщина академіка Д. І. Яворницького. – Дніпропетровськ : Арт-Прес, 2012. – Вип. 6. – С. 317. – № 290.

⁵⁰ Мудров А. Христос-социалист или христианство и социализм. – Екатеринбург, 1917; *его же*. Катехизис христианина или социалиста. – Екатеринбург, 1917.

⁵¹ Каменский А., прот. Наша задача... – С. 963.

⁵² Иноепархиальные известия // ПЕВ. – 1917. – № 8. – С. 687–689.

⁵³ Из резолюции Волынского епархиального съезда духовенства // Российское духовенство и свержение монархии... – С. 154. – № 168.

⁵⁴ Большинство отделов и подотделов СРН на Волыни возглавляли священники. В одном лишь “Почаевском отделе Волынской губернии... представители духовенства возглавляли 300 сельских подотделов СРН”. См.: *Омелянчук И.* Черносотенное движение на территории Украины (1904–1914). – К.: Совет Национальной безопасности и обороны Украины, 2000. – С. 36–37.

Из Екатеринославской епархии в столицу также улетел целый поток телеграмм. В одной из первых её составители напоминали крупному губернскому помещику М. В. Родзянко, что он является “славным екатеринославцем” (подобным образом и другие провинциальные епархиальные съезды передавали привет своим землякам в структурах столичной власти)⁵⁵. Пастыри выражали председателю Государственной Думы “благодарность за смелый почин обновления России на новых началах свободы и права”. Родзянко поздравили с “началом новой эры”, выразив надежду, что “новый строй скоро воплотится в жизни”. Для этого “екатеринославское епархиальное духовенство изъявляет готовность работать с удвоенной энергией <...> в полном подчинении новому Правительству”⁵⁶. Вряд ли эта риторика подразумевала удвоение количества отслуженных литургий и молебнов (хотя последних действительно стало служить больше). Речь шла о готовности обслуживать идеалы социалистической революции вместо уже неактуальных идеологических нужд рухнувшей империи. В телеграмме князю Г. Львову священнослужители “с глубоким негодованием и слезами” осуждали “предательство старых министров, доведших Россию до края гибели”⁵⁷. А Керенскому сообщалось о “нравственном удовлетворении” по поводу “окончательной отмены смертной казни”⁵⁸.

От епархиального центра не отставало и уездное духовенство. Четвёртый благочиннический округ Екатеринославского уезда сообщал М. Родзянко о своих “искренних и давно лелеянных” мечтах о революции⁵⁹; духовенство Александровского уезда взялось под руководством Временного правительства строить “светлое будущее”⁶⁰; Славяносербское духовенство, выразив “полное доверие Временному правительству”, просило принять меры “к наилучшему свободному устройству церковно-приходской жизни на началах соборности...”⁶¹ Отдельной телеграммой смена власти приветствовалась от имени корпораций духовно-учебных заведений,

⁵⁵ Подольское духовенство направило телеграмму лично прот. Фёдору Филоненко, члену Св. Синода с 14 апреля 1917 г. и депутату Государственной Думы (с 1912). Филоненко прославлялся как “стойкий борец с цезарепапизмом, деспотизмом и темными силами в православной нашей Церкви”. Телеграмма закончилась славословием: “Слава первому члену Синода из нашей приходской среды, сыну народа”. См.: Российское духовенство и свержение монархии... – С. 269.

⁵⁶ Председателю Государственной Думы М. В. Родзянко // Деяния Екатеринославского епархиального собрания представителей клира и мирян Православной Церкви 21 и 22 марта 1917 года. – Екатеринослав : Типография И. Е. Коган, 1917. – С. 27.

⁵⁷ Министру-Председателю Временного Правительства Князю Г. Е. Львову. Петроград // Там же. – С. 27.

⁵⁸ Министру Юстиции А. Ф. Керенскому // Там же. – С. 28.

⁵⁹ Телеграмма Председателю Государственной думы М. В. Родзянко собрания духовенства и выборных мирян 4-го благочиннического округа Екатеринославского уезда, 15 марта 1917 г. // Российское духовенство и свержение монархии... – С. 321.

⁶⁰ Телеграмма Председателю Совета Министров собрания духовенства и церковных старост 2-го благочиннического округа Александровского уезда Екатеринославской губернии // Там же. – С. 347.

⁶¹ Телеграмма Председателю Совета Министров собрания духовенства и мирян 1-го благочиннического округа Славяносербского уезда Екатеринославской губернии // Там же. – С. 348.

монашествующих, дьяконов, псаломщиков, учителей церковных школ, чиновников духовной консистории, церковных старост и мирян Екатеринослава⁶².

В некоторых публикациях высказывается мнение, будто на Украине такие съезды проводились демократическим украинским духовенством против воли “реакционного российского епископата”⁶³. Тенденция такого убеждения вполне понятна, однако это мало соотносится с действительностью. В большинстве украинских епархий архиереи или участвовали непосредственно в собраниях клира и мирян, или давали своё архипастырское благословение, или же торжественно открывали заседания (например, в Екатеринославской, Полтавской, Подольской и др.).

Уже 4 марта епископ Екатеринославский Агапит (Вишневецкий) созвал срочное заседание Духовной консистории, в присутствии которой входили приближённые к архиерею священники о. Вячеслав Мстиславский, о. Андрей Одинцов, о. Андрей Березовский, о. Николай Иванов, о. Димитрий Шнурков, а также секретарь П. И. Зорин. Целью заседания была попытка сформулировать отношение епархии к текущим событиям, в частности, к отречению императора от престола⁶⁴. 5 марта было подписано “Архипастырское воззвание” (опубликованное 11 марта), в котором говорилось о “тёмных силах”, толкавших Россию к гибели, промыслительность прихода к власти “правительства из Представителей Народных в Государственной Думе”, вокруг которого нужно всем объединиться. Агапит обязывал пастырей “ознакомить народ с настоящими событиями, указать ему путь исполнения распоряжений правительства Государственной Думы – необходимость полного подчинения ему”⁶⁵.

В свою очередь, ректор Екатеринославской духовной семинарии прот. Иосиф Кречетович решил перехватить инициативу “обновления” и вынести этот вопрос на публичное обсуждение. 7 марта он созывает епархиальное собрание, на котором присутствовало около 500 представителей приходских священников, монахов, дьяконов, псаломщиков, учителей церковно-приходских школ⁶⁶. Оно ничего конкретно не постановило, но положило начало созданию альтернативного революционного центра управления епархией – Епархиального исполнительного комитета, который возглавил очень быстро “обновившийся” Кречетович. Членами комитета стали о. В. Капинос, П. Корецкий, о. А. Мурин, о. П. Григорович, диакон И. Русаневич, псаломщик Л. Пуглаенко, законоучитель М. Русанов, архимандрит Евлампий (представитель монахов), о. А. Одинцов (от миссионеров). А. Попов и И. Трипольский

⁶² Из резолюции собрания духовенства г. Екатеринослава, корпораций духовно-учебных заведений, монашествующих, дьяконов, псаломщиков, учителей церковных школ, чиновников духовной консистории, церковных старост и мирян, 7 марта 1917 г. // Российское духовенство и свержение монархии... – С. 195–196.

⁶³ Шугальова І. Розвиток Православної Церкви на Катеринославщині у першій чверті ХХ ст. // Придніпров'я: історико-краєзнавчі дослідження. Збірник наукових праць. – 2008. – Вип. 6. – С. 161.

⁶⁴ Архипастырское воззвание // ЕЕВ. – 1917. – № 8. – С. 105.

⁶⁵ Там же. – С. 104.

⁶⁶ Иноепархиальные известия // ПЕВ. – 1917. – № 9. – С. 749.

вошли в комитет от мирян, а избрать достойного делегата от учебных заведений епархии было доручено семинарскому преподавателю В. Беднову.

Епископ Агапит также присутствовал на этом собрании, и один из первых вопросов, который он задал новой власти, звучал так: за кого нам молиться и как нам позволено теперь именоваться?⁶⁷ С одной стороны, чувство достоинства обязывало отказаться от именованья “ведомством”, ибо “в свободном русском государстве может быть только свободная Православная Церковь, а не Государственное Ведомство Православного Исповедания” (курсив наш. – С. С.)⁶⁸. Но, с другой стороны, привычка к самоуничтожению перед властью заставляла священноначалие в официальных сношениях употреблять старые канцелярские формы. 5 марта в телеграмме обер-прокурору Святейшего Синода В. Львову епископ Агапит писал: “Я и духовенство Екатеринославской епархии приветствуем Ваше Высокопревосходительство и в Вашем Лице новый обновленный строй жизни нашей Родины, который, мы уверены, *благодетельно отразится и на Ведомстве Православного Исповедания*” (курсив наш. – С. С.)⁶⁹. Чиновники Временного правительства продолжали именовать Церковь “ведомством” вплоть до собственного краха.

Полномочия обер-прокурора – “ока Государева”, оказавшегося без самого Государя, – никаких сомнений у екатеринославского духовенства не вызвали, по меньшей мере, они не высказывались публично. Хотя бессмысленность этой должности прекрасно осознавалась представителями новой власти. Антон Карташев еще в 1916 г. называл обер-прокурора “странной амфибией, которая выступает в государстве от лица Церкви, а в Церкви от лица государства”⁷⁰. В июле 1917 г. он сам решил стать этой “амфибией”, чтобы уничтожить её “изнутри”. С чисто правовой точки зрения, вследствие отречения Романовых от Престола, верховная власть перешла, согласно их же воле, ко Временному правительству. Последнее оказалось, таким образом, формальным “главой Церкви”. Зависимость от него (скорее психологическую, чем институциональную) Церковь ощущала вплоть до окончания работы Поместного Собора. Его делегаты даже после захвата власти большевиками были обеспокоены тем, что их решения будут недействительными без одобрения Департамента по делам Православной Церкви Министерства исповеданий Временного правительства⁷¹.

⁶⁷ “Прошу указаний касательно поминовения на богослужении царского дома и правительства”. См.: Телеграмма Святейшему Синоду епископа Екатеринославского и Мариупольского Агапита (Вишневого), 4 марта 1917. // Российское духовенство и свержение монархии... – С. 241.

⁶⁸ Деяния... – С. 16.

⁶⁹ К сведению духовенства Епархии и исполнению // ЕЕВ. – 1917. – № 8. – С. 107.

⁷⁰ См.: *Карташев А. В.* Реформа, Реформация и исполнение Церкви. – Пг. : Корабль, 1916. – С. 9.

⁷¹ См.: *Соколов А.* Выборы патриарха в ноябре 1917 года: правовой аспект // Государство, общество, церковь в истории России XX века : материалы XII Международной научной конференции, Иваново, 20–21 февраля 2013 г. – Иваново : Ивановский государственный университет, 2013. – Ч. 1. – С. 295.

21–22 марта 1917 г. состоялось собрание духовенства Екатеринославской епархии под председательством председателя Епархиального комитета прот. Иосифа Кречетовича и по благословию епископа Агапита (Вишневого). Последний, благословив собрание и совершив молебен, поспешил уехать. Собрание оказалось очень многолюдным, участников насчитали более 500 человек. Читая его протокол, создаётся впечатление, что духовенство стремилось как можно скорее включиться в революционный ритм жизни, как можно громче заявить о полной и безоговорочной лояльности епархии к новой власти, предугадать её желания. Чего стоят одни овации, устроенные пастырями после заслушивания доклада эмиссара Временного Правительства Александра Александрова “Об обстоятельствах государственного переворота”⁷². Иногда зашкаливающий сервилизм выглядел уж слишком анекдотично, как, например, в истории с памятником в честь царствующей династии. Средства на увековечивание Романовых собирались всей епархией много лет, поэтому нужно было решить, что с ними делать дальше (речь шла о сумме в 76 387 руб. 40 коп.)⁷³. Собрание приняло мудрое решение, позволившее не нарушать бухгалтерскую отчётность: вместо памятника, прославляющего Романовых, воздвигнуть памятник в честь освобождения от Романовых⁷⁴. Протокол собрания не зафиксировал голосов несогласных или хотя бы воздержавшихся. По некоторым данным фигура Михаила Родзянко – лидера и символа революции – должна была войти в композицию будущего памятника “Освобождению”. Никого не смутило то, что ещё недавно епископ Агапит (Вишневский) публично называл “славного екатеринославца” Родзянко “хриstopродавцем”⁷⁵. А городская Дума в честь знаменитого земляка-революционера планировала назвать главную площадь Екатеринослава⁷⁶. Энтузиазм по поводу памятника носил явно подражательно-эпигонский характер и был, по-видимому, вдохновлён решением Временного правительства от 16 марта соорудить в Петрограде “памятник всем борцам-героям за свободу России и павшим жертвою в этой борьбе”⁷⁷.

Требования священнослужителей, высказанные на собрании, поражают прежде всего корпоративным эгоизмом и мелочностью на фоне вселенского революционного пафоса, а также открытой ненавистью к монашеству. “Бескровная русская революция, разорвав цепи византийского абсолютизма, тем самым ясно поставила вопрос о свободной церковной жизни <...> Монашествующие архиереи своих братьев по вере трактовали только как подчиненных в языческом смысле этого слова лиц. Так было до русской революции. Пала однако твердыня языческой власти в церкви. Власть, созидавшаяся и утверждавшаяся “по указу его императорско-

⁷² Деяния... – С. 11.

⁷³ Российское духовенство и свержение монархии... – С. 150.

⁷⁴ Деяния... – С. 11.

⁷⁵ Обзор Деяний Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.bogoslov.ru/library/text/369947/index.html>

⁷⁶ Российское духовенство и свержение монархии... – С. 355.

⁷⁷ Журналы заседаний Временного Правительства. – М. : РОССПЭН, 2001. – Т. 1. Март–апрель 1917 г. – С. 102–103.

го величества”, с упразднением этого величества оказалась лишенной своей опоры, потеряла почву и повисла в воздухе”⁷⁸. В предисловии к “Деяниям Екатеринославского епархиального собрания”, помимо этого, была высказана мысль о необходимости уравнивать женщин в правах с мужчинами (вплоть до возможности быть членами низшего клира – псаломщицами), разделить землю на основании “вечной евангельской правды” (осуждалось частное крупное землевладение) и “удесятерить свои силы в деле проведения в жизнь” планов Временного правительства⁷⁹.

На самом собрании священники заявили о намерении упразднить ненавистные консистории, а заодно пастырские курсы и школы, требовали свободы совести и культов. Особым требованием, выражавшим стремление отделиться от государства, было “освобождение духовенства от ведения метрических книг и предоставления всяческих статистических сведений, уничтожение исповедных книг и отмену ежегодного писания формулярных списков причта”⁸⁰. Но дети духовенства при этом должны получать духовное образование за счёт государства. Не отказывалась Церковь и от символического верховенства. Будущий президент и министр исповеданий должны быть непременно православными. “В случае публичных религиозных мероприятий, требующих “религиозного освящения”, призывалось бы духовенство Православной Церкви”⁸¹. Вместе с тем определённый уважаемый статус необходим и тем исповеданиям, которые раньше считались “терпимыми”: католицизму, протестантизму, исламу и иудаизму.

Было высказано пожелание, чтобы на крестах священников не было “имен бывших императоров”⁸², поскольку прежний “строй всегда был гибелью для веры и Церкви”⁸³, и чтобы должность обер-прокурора Святейшего Синода была ликвидирована. Требовалось также воспретить “произвольное произнесение проповедей политического характера, хотя бы и на тексты из Священного Писания”, отменить “проповеди по заказу с политической целью”⁸⁴. За церковно-причтовые и монастырские земли, отчуждаемые в пользу крестьян, Церкви должна быть выплачена компенсация⁸⁵.

“Резолюции о реформе Церкви”, принятые собранием, выдержаны в радикально обновленческом духе. Церковью должен был управлять Всероссийский Собор “с правом решающего голоса” не только епископов, но и священников, и мирян. Его исполнительным органом становился Синод с тем же качественным составом участников. Епископы не назначаются, а “избираются епархиальным собранием из представителей клира и мирян не только из лиц монашествующих, но и белого духовенства”⁸⁶. Таким образом, обязательный безбрачный статус епископата отменялся. Избираться должны также и священники, говорилось в резолюции, но с

⁷⁸ Деяния... – С. 3.

⁷⁹ Там же. – С. 4.

⁸⁰ Там же. – С. 23.

⁸¹ Там же. – С. 13.

⁸² Там же. – С. 15, 24.

⁸³ Там же. – С. 13.

⁸⁴ Там же. – С. 24.

⁸⁵ Там же. – С. 13.

⁸⁶ Там же. – С. 16–17.

существенной оговоркой – “из лиц образованного духовенства”⁸⁷. Желая застраховать себя от неприятных неожиданностей, екатеринославские клирики предложили ещё одно ограничение: приходские священники должны быть “канонически несменяемыми”, то есть их можно было уволить лишь по решению суда или по заявлению об уходе “по собственному желанию”⁸⁸.

Ни одного слова о возрождении патриаршества в решениях собрания не прозвучало, хотя не так давно екатеринославское духовенство было солидарно с “Отзывом” епископа Симеона (Покровского), призвавшего избрать патриарха и наделить умеренными управленческими полномочиями⁸⁹. Идея единоличного патриаршего правления среди резко “полевевшего” духовенства была не в моде вплоть до Поместного Собора. И даже там она не имела всеобщего одобрения. Нисколько не удивительно, что судьба арестованного 8 марта Николая II, ещё за неделю до этого щедро награждавшего духовенство “аннами”, “владимирами” и золотыми наперстными крестами, никого из екатеринославских духовных лиц не заинтересовала⁹⁰.

Диаконская “курия” собрания заявила о своём праве проповедовать с амвона, уравнения в правах и церковных доходах со священниками. В качестве альтернативы предлагалось массовое рукоположение диаконов во священники с предоставлением места служения⁹¹. Если священники требовали запретить политические проповеди, то диаконы, напротив, хотели “агитировать и всеми доступными средствами способствовать установлению прочного государственного строя”, а также разъяснить пастве “значение непонятных политических терминов и слов как-то: директивы, республика, анархия и т. п.”⁹² Очевидно, екатеринославские диаконы как церковные “низы” решили более открыто проявить революционную сознательность.

“Курия” псаломщиков оказалась самой скромной, но требования также касались денег и полномочий: псаломщики просили их не унижать, уравнять в правах с прочими членами клира при решении приходских и епархиальных дел, а также “предоставить при разделе не четвертую, а третью часть всех братских доходов”⁹³. Было ли всё это только проявлением модного обновленчества или желанием выжать из революции максимум карьерных перспектив, непредвиденных ordinarily обстоятельствами? Возможно, и тем, и другим.

Примечательно, что в революционных решениях собрания почти не нашлось места для внутренней миссии среди “заблудших”, несмотря на то, что этот вопрос был постоянно на повестке дня всех собраний в прошлом, а соседние епархии всерьёз думали над тем, нужны ли теперь вообще миссионеры?⁹⁴ Полагаем, что кос-

⁸⁷ Там же. – С. 23.

⁸⁸ Там же. – С. 18.

⁸⁹ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. – М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2004. – Ч. 1. – С. 118–123.

⁹⁰ Журналы заседаний Временного Правительства. – Т. 1. Март–апрель 1917 г. – С. 49; Высочайшие награды // Церковные ведомости. – 1917, 25 февраля. – № 8. – С. 1.

⁹¹ Деяния... – С. 25.

⁹² Там же. – С. 25.

⁹³ Там же. – С. 26.

⁹⁴ Собрание духовенства г. Полтавы и Полтавского уезда // ПЕВ. – 1917. – № 8. – С. 669.

венно и завуалированно он был затронут лишь в кратком постановлении “выразить <...> сочувствие всем жертвам старого режима по епархиальному и синодальному управлениям. Поручить Епархиальному Комитету разработать проект увековечения памяти борцов за свободу”⁹⁵. Абсурд был очевиден: этим постановлением епархия резко осуждала собственную миссионерскую работу, проводившуюся на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. Ведь не только провинившиеся “левые” священники, но, в первую очередь, именно “заблудшие в вере” сектанты и старообрядцы были теми “жертвами” синодальной системы, которых возвращали в лоно Церкви с помощью полиции, прокуратуры и судебных органов. Теперь их упорное сопротивление миссии трактовалось как героическая “борьба за свободу”, а “заблудшими” оказывались сами православные миссионеры. 21 марта во время заседания духовенства в зале Духовного училища Уполномоченный Временного правительства озвучил политические претензии к епархиальным миссионерам, которым было приказано переработать “программу миссионерского служения” с учётом революционных событий и новых веяний⁹⁶.

Пожалуй, самым неожиданным в своей непритязательности было требование церковного народа. Заметим, что, по словам В. Липковского, в это время никто не стеснял свободы слова и “миряне за довге мовчання винагородили себе тим, що висловили вже все те, що напекло їм...”⁹⁷ Итак, прихожане Екатеринославской епархии 21–22 марта не требовали ни церковной автономии, ни украинизации богослужений, ни соборноправности, ни патриаршества, ни даже снижения платы за требы или выборности духовенства. Все их пожелания можно свести к четырём пунктам: амнистия членам причтов, несущих архиерейское и судебное наказание; запрет торговать на рынках в воскресные и праздничные дни; борьба с азартными играми, пьянством и сквернословием; организация певческих хоров на приходах и “умилительное богослужение в течение страстной седмицы”⁹⁸. Как заметил староста, подавший петицию, батюшки часто забывают о благоговейном служении, литургисая в спешке, чтобы поскорее покинуть приход и посетить дома богатых людей.

Выводы из данного исследования и перспективы дальнейших исследований в данном направлении. “Церковная революция” была лишь частью политической революции 1917 г., и это во многом определяет её характер. Последняя принесла разрыв в нормальном эволюционном течении жизни, заполненный взрывом массового насилия, погромами, анархией, обманом, предательством, конформизмом и сервизмом, популизмом и безумными экспериментами над людьми. Однако насилие начнётся спустя несколько месяцев, а в марте 1917 г. все страхи и сомнения тонули во всеобщем восторге и умилении, в котором принимали участие и массы священнослужителей.

⁹⁵ Деяния... – С. 11. Вряд ли есть основания согласиться с М. Бабкиным, что под “жертвами” имелись в виду лишь пострадавшие от Синода священнослужители. См.: *Бабкин М.* Духовенство Русской Православной Церкви... – С. 288.

⁹⁶ К сведению духовенства Епархии и исполнению // ЕЕВ. – 1917. – № 8. – С. 110.

⁹⁷ Цит. по: *Власовський І.* Нарис історії Української Православної Церкви. – Нью-Йорк: УПЦ в США, 1961. – С. 12.

⁹⁸ Деяния... – С. 20–21.

С. Фирсов ставит вопрос о том, была ли Церковь психологически готова к смене политического строя и демонтажу старой модели церковно-государственных отношений? Ответ историка: “Конечно, нет”⁹⁹. Этот ответ очень спорный. Судя по почти мгновенному революционному преобразению огромных масс мирян и духовенства, нет никаких оснований говорить о неготовности Церкви сменить политический строй. В марте 1917 г. ненависть к свергнутому монарху была практически всеобщей и духовенство также было увлечено волной антимонархического восторга. С одной стороны, оно радовалось освобождению от опеки православной царской власти, но с другой – выражало готовность служить “верой и правдой” новому государственному строю, о конфессиональной стратегии которого можно было догадаться по “более чем холодному отношению к религии и к Церкви”, отмеченному внимательными и дальновидными иерархами¹⁰⁰. Священнослужители были не против освободиться от правительственного контроля и формально-бюрократических обязанностей, но не спешили освободиться от госфинансирования и религиозной опеки над “новым строем”. А многие даже предлагали себя на роль его пропагандистов. Парадоксально, но те, кто не принимал участие в приветствиях “нового строя”, не болел “болезнью левизны” и до конца оставался монархистом, имели больше шансов уцелеть в революционной мясорубке 20–30-х гг. Свидетельством этого парадокса являются сотни биографий.

Реакция екатеринославского духовенства на революцию, если воспринимать декларации за “чистую монету”, была революционно-обновленческой. Но, как нам представляется, публичным декларациям, принятым под давлением “всеобщего общественного мнения”, слепо доверять не стоит. В этой неожиданно вспыхнувшей любви к революции было слишком много конформистского прагматизма, проще говоря, банального приспособленчества. В идеалистической атмосфере “всемирного праздника свободы” духовенство остро заинтересовалось возможностью диаконам ускоренно рукоположиться во священники, а женатым священникам, в обход канонов и традиций, во архиереи. Раздел “кружечного сбора” между членами клира в процентном отношении также считался одним из самых важных вопросов “церковной революции”. Духовенство намеревалось в краткий срок компенсировать свою давнюю обиженность самодержавием. В общих чертах реакция екатеринославской духовной корпорации на Февраль чем-то напоминала ту печальную картину, которую наблюдал князь Н. Жевахов из окна своей квартиры, когда “все неистово кричали и требовали увеличения жалованья”¹⁰¹. Разумеется, значительное число духовенства, по выражению П. Рогозного, “влачило полунищенское существование” и о нём “никто не думал”¹⁰². Но всех событий и процессов “церковной революции” это не объясняет.

М. Бабкин поставил вопрос об альтернативе решению Православной Российской Церкви (как на синодальном, так и на епархиально-приходском уровне) поддержать революцию, а не монархию Романовых. Историк полагает, что решение

⁹⁹ Фирсов С. Церковь накануне перемен... – С. 17.

¹⁰⁰ Письма Патриарха Алексия своему духовнику. – М.: Сретенский монастырь, 2000. – С. 23.

¹⁰¹ Жевахов Н. Д. Воспоминания. – С. 128.

¹⁰² Рогозный П. Церковная революция... – С. 9.

было продиктовано в рамках фундаментальной проблемы конкуренции царства и священства, которая в явной или латентной форме пронизывала весь синодальный период¹⁰³. Очевидно, он глубоко усвоил аргументацию синодальной системы, изложенной в “Духовном Регламенте” архиепископа Феофана (Прокоповича). Тезис М. Бабкина резко критикует Я. Кротов: “Достаточно маргинальная, интересующая лишь немногих публицистов (не богословов) концепция “священства и царства” вырывается из контекста и получает несвойственное им значение как якобы основной для поведения духовенства концепции”¹⁰⁴.

Нам кажется, что проблема соотношения священства и царства была не такой уж и маргинальной в позднеимперский период, даже если она явно и не формулировалась. При этом следует различать церковно-общественную мысль и богословие: в первом случае она так или иначе присутствовала во всех дискуссиях по поводу Поместного Собора, церковно-приходской жизни, синодального устройства, “средостения” и т. д.; во втором, богословском, контексте её и не должно быть, поскольку вопрос о царской власти для православия не является сотериологическим¹⁰⁵. Признавая “глубинную” концептуальную правоту М. Бабкина, полагаем, что вопрос о фактическом отречении Церкви от монархии в феврале–марте 1917 г. лежал в ситуативно-прагматической плоскости. Духовенство не просто решило не поддержать монархию, оглядываясь на давние обиды и опасаясь “харизматического конкурента”, а осознало бесполезность (а может, и опасность) промонархических заявлений или акций. Массами овладел идол социализма, который стал слишком модной политической этикеткой даже среди духовенства. По выражению П. Марчени, “быть социалистом <...> стало просто требованием бонтона, приличия, надо было быть едва ли не парадоксальным смельчаком и циником, чтобы дерзнуть отмежеваться от социализма”¹⁰⁶.

Империя 1917 г. кардинально отличалась от Империи 1905 г., и меры, принятые церковной властью в защиту династии в период первой русской революции, вряд ли имели бы эффект во время второй. Да и 1905 г. показал, что поддержка Церковью самодержавия во многом носила условный, вынужденный и конъюнктурный характер; духовное сословие всё более осознавало царя и его синодальную систему как тяжелое бремя, от которого не плохо было бы избавиться, желательно – чужими руками. Удушение первой революции привело к поправению умеренных священнослужителей и к

¹⁰³ Бабкин М. Была ли альтернатива действий у Святейшего Синода Русской Православной Церкви в феврале–марте 1917 года? // Вестник Тверского государственного университета. Серия “История”. – 2003. – № 7. – С. 57–65; *его же*. Священство и Царство. Россия, начало XX века – 1918 год. Исследования и материалы. – М. : Индрик, 2011.

¹⁰⁴ Кротов Я. История Русской Церкви в XX в. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://krotov.info/yakov/5_russia_moi/20_ru_moi/1910_ru_church.htm

¹⁰⁵ Теологически феномен русского самодержавия осмысливали Л. Тихомиров, прот. Иоанн Восторгов, прав. Иоанн Кронштадтский, миссионер И. Айвазов, архиеп. Никон (Рождественский) и некоторые другие авторы крайне правых взглядов.

¹⁰⁶ Цит. по: Марченя П. Массы и партии в 1917 г.: массовое сознание как доминанта русской революции [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/noviie-istoricheskiye-vestnik/rossiya-v-xx-v/massi-i-partii-v-1917-g.-massovoe-soznanie-kak-dominanta-russkoie-revolyuicii.html>

умеренности левых обновленцев, голоса которых на краткое время утихли. А к 1917 г. даже некогда грозные стражи монархии – черносотенцы – превратились в благотворительные волонтерские организации, беспокоившиеся о судьбе раненых, беженцев и бедняков более, чем о борьбе с “крамольниками”¹⁰⁷.

Идеологема “православный Царь-Помазанник”, безусловно, утверждалась официальным православием, и довольно навязчиво, но всего лишь в рамках патриотической риторики, а не церковного вероучения. Его обоснование было и оставалось уделом консервативной прессы, статей или проповедей отдельных пастырей преимущественно черносотенного направления. Защищая монархию в марте 1917 г., Церковь могла бы апеллировать к надоевшему и обесцененному официозом топосу “благочестивого Царя”, но он воспринимался обществом как анахронический оборот речи, не имевший никакого отношения к реальности. Тогда как публичное отречение от царя имело гораздо больший эффект. Создавалась видимость единения Церкви и народа в благородном революционном порыве. Православие и народность, оставив самодержавие в тёмном прошлом, вместе устремляются в “светлое будущее”. Вполне можно согласиться с выводом М. Бабкина, что “архипастырские постановления по приветствию революции и по приданию ей необратимого характера нередко опережали соответствующие постановления Временного правительства”¹⁰⁸.

Верно уловив то, что на этот раз “ветер перемен” будет неизменным, значительная часть православного духовенства пришла к выводу, что образ жертвы царского режима для Церкви будет более приемлемым, чем образ его верной опоры. Лучше попытаться играть роль “жертвы самодержавия”, становясь в один ряд с обиженными крестьянами, рабочими и солдатами, чем стать реальной жертвой “революционного творчества масс”. Лучше попробовать получить из изменившихся обстоятельств новые привилегии, чем вести рискованную и безнадежную борьбу за старые. Лучше делать вид, что возглавляешь революцию, чем быть ею обезглавленным. Этот вывод может быть и несправедлив ко всему духовенству России, но в марте 1917 г. екатеринославские пастыри в большинстве своём избрали путь конформизма – типичный для того времени (и для всех времен, наверное, тоже)¹⁰⁹. Факт радикальной мировоззренческой революции духовенства Екатеринославской епархии в марте 1917 г. как нельзя лучше подтверждает известную аксиому классиков о бытии, определяющем сознание.

¹⁰⁷ Донесение начальника Екатеринославского ГЖУ полковника Терентьева товарищу министра внутренних дел С. П. Белецкому [Электронный ресурс] // Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 102. – 4-е д-во, 1915 г. – Д. 151. – Л. 148–148 об. – Режим доступа : <http://mydocs.ru/11-87223.html>

¹⁰⁸ Бабкин М. Духовенство... – С. 263.

¹⁰⁹ Для сравнения: *Верещагин И.* Февральская революция на страницах Архангельских епархиальных ведомостей // Государство, общество, Церковь в истории России XX века : материалы XI Международной научной конференции, Иваново, 15–16 февраля 2012 г. – Иваново : Ивановский государственный университет, 2012. – С. 75–81.